

мяки.¹ Эти летописные сообщения во всех списках, кроме Тверской и может быть Ростовской летописей, одинаковы и идут из одного общего источника — первоначальной записи в каком-нибудь летописном сборнике.² Вот этот небольшой рассказ по Софийскому времени: «Того же лета прииде царь турской ко Царюграду и положе [?] Мустофа Амуратовичь и взя Царьград прелестию. Посла к наместнику цареву рече: Сотвори ми се, яко возму Царьград; аще ли возму то поиму дщерь твою жену, и будеши мне отець и второй в царстве моем. Он же веле приступати ему от Лимени, идеже стена трухова. И бив пушками, взя Царьград и церкви святыя разори, в Софеи великой мизгить учини. а людей множество посече, а инии истспоша в мори, а сам седе в нем; наместника того повеле в котле варити и злой смерти предаде его и рече ему: Как ты мне хочеши верен быти, а как сотвори над предним своим государем?»

В этом рассказе налицо характерные черты фольклорного повествования: взятие города хитростью или предательством, обещание высокой награды предателю, справедливое возмездие ему за предательство («в котле варити») — все это мотивы, распространенные в устных сказках и анекдотах. С другой стороны, в рассказе сохранились отзвуки фактических событий, показывающие не только относительную близость рассказа ко времени самого события, но и опять-таки устный источник этих сведений. Турки действительно направили свои удары на наиболее слабую часть константинопольских стен, как о том говорили позднее и письменные источники; при осаде города действительно большую роль играла артиллерия (ср. выше хронографическую повесть); св. София обращена была в мечеть; завоевателем Царьграда составитель считает Мустафу (в действительности он не был сыном Амурата, а его братом, и ко времени осады Царьграда его уже не было в живых). Наконец, приведенный рассказ еще не знает имени предателя, хотя и знает, что он был крупным сановником — наместником самого царя.³ Словом, данный летописный рассказ содержит в себе запись слухов, дошедших в Россию, но уже в некоторой обработке фольклорного характера.

Коротенькая заметка о взятии Царьграда читалась в Ростовской летописи, но и она выдает свое устное происхождение, приписывая взятие Константинополя тому же Мустафе Амуратовичу: «Того же лета [1452] маиа в 29 день взят бысть Царьград от безбожных турок от Мустофы Муратовича».⁴

Своеобразна и независима от упомянутых небольшая заметка Тверской летописи; она сообщает только одну деталь в связи с падением Царьграда: «Того же лета взят бысть Царьград от царя турского от салтана; а веры руския не преставил, а патриарха не свел, но один зvon отнял. У Софии премудрости божия и по всем церквам служат литургию

¹ В поздних летописных сводах, каковы Воскресенский или Никоновский, эти сообщения, как мы видели, заменены повестью хронографической, иногда с присоединением после нее «Иного перевода» и «Сказания» Пересветова.

² Таковы Соф. врем. (II, стр. 63), Соф. II (ПСРЛ, VI, стр. 180), Львовск. (ПСРЛ, XX, стр. 262).

³ На основан и письменных источников мы можем догадываться, что под этим «наместником царя» скрывается кир Лука, великий дука, имевший в руках большую власть; в то же время поведение его, судя по источникам, в среде современников считалось далеко не безукоризненным по отношению к царю и согражданам. См.: И. И. Срезневский. Повесть о Цареграде. Ученые записки II отд. Акад. Наук, кн. I, отд. III, СПб., 1854, стр. 61—68.

⁴ См.: А. А. Шахматов. О Ростовской летописи. Чтения ОИДР, М., 1904 I, стр. 35.